

Молодежь от Москвы до Брянска. Приведет ли смена поколений к модернизации страны?

АНДРЕЙ КОЛЕСНИКОВ, ДЕНИС ВОЛКОВ

С молодежью многие связывают надежды на радикальное обновление российского политического режима. Молодое поколение в России, как, впрочем, и в других странах, отличается от старших поколений по многим параметрам: для большей части его представителей характерно более позднее «взращивание», приверженность здоровому образу жизни, активное использование цифровых технологий¹, постепенный отказ от телесмотрения. Молодежь более толерантна к ЛГБТ, позитивнее относится к Западу, близко знакома с западной массовой культурой. А также — с недавних пор — молодые проявляют больший, чем у старших поколений, протестный настрой и вовлеченность в протестную активность².

Сторонники демократизации страны связывают с такими настроениями молодежи надежды на модернизацию страны, к чему, по их мнению, автоматически приведет смена поколений. Власти боятся этого и применяют репрессии в отношении одной части молодежи, одновременно пытаясь завоевать симпатии другой ее части. Насколько обоснованы, однако, ожидания модернизации, к которой должна приве-

сти смена поколений? Кто выиграет битву за молодое поколение — государство или институты гражданского общества? Или же молодежь, перейдя в другую возрастную категорию, превратится в еще одну разочарованную и адаптирующуюся к предлагаемым обстоятельствам генерацию?

В поисках ответов на эти и другие вопросы мы провели исследование, позволяющее понять, о чем думают и чего хотят молодые россияне. Чтобы более детально изучить тенденции, выявляемые в количественных опросах, были проведены шесть фокус-групп с молодыми людьми в трех российских городах: Москве, Ярославле и Брянске. В каждом городе было проведено по две группы с молодыми людьми «помоложе» (18–25 лет) и «постарше» (30–35 лет). Москва — столица и крупнейший российский мегаполис с населением 12,7 млн человек. Ярославль, расположенный к северо-востоку от столицы, занимает 25-е место среди российских городов по численности населения (более 600 тыс. человек). У Брянска, расположенного недалеко от границы с Украиной и Беларусией, 50-е место (400 тыс. человек).

На дискуссиях в группах обсуждались:

- представления молодых людей о возможностях самореализации, о том, как достичь поставленных целей и защитить гражданские права;
- практики использования различных источников информации;
- оценки текущей общественно-политической ситуации;
- авторитетные для молодежи фигуры (представители семьи, средств массовой информации; авторы книг; известные политики и проч.).

ОНИ ТАКИЕ РАЗНЫЕ

Протесты января — февраля 2021 года в защиту Алексея Навального связывались с участием в них прежде всего молодых когорт, в том числе совсем юных «рассерженных горожан». В существенной степени «детский» состав протестантов был мифом, созданным государственной пропагандой. На деле возрастной, гендерный, профессиональный, имущественный состав участников акций был очень пестрым, и несовершеннолетних среди них было мало³. Власти, однако, активно эксплуатировали тезис о вовлечении несовершеннолетних в преступную деятельность, что оправдывало и масштаб, и жестокость репрессий. В то же время такой упор выдавал беспокойство властей, что они рискуют потерять целое поколение, которое прямо на глазах превращалось в сообщество активных недовольных граждан, знающих свои права и готовых их отстаивать.

Еще четыре года назад молодежь была одной из наиболее лояльных власти групп, но с 2018 года ситуация начала меняться. Сегодня из всех социальных страт именно молодое поколение в наибольшей степени критически относится к правящему режиму. В результате демократически настроенная часть общества

стала связывать надежды на перемены в стране с самыми молодыми группами населения. Социологические опросы подтверждали, что молодежь, особенно самые юные, думают иначе, чем старшие поколения. Они не слишком активно поддерживают государство, менее зашорены, больше открыты миру, новой информации. И, если считать критерием радикального мышления отношение к Навальному, молодые люди в большей степени, чем остальные, одобряют его деятельность.

Тем не менее, если начать разбираться в деталях, можно заметить, что и у молодых людей политические симпатии далеко не всегда находятся на стороне оппозиционных сил левого или праволиберального толка. По сравнению со старшими поколениями среди молодых поддержка Навального больше, но немало и тех, кто к нему равнодушен или, более того, склонен поддерживать власть⁴.

Исследуя феномен разрыва поколений, мы столкнулись с неожиданными результатами. Участники наших фокус-групп предсказуемо называли устаревшими взгляды своих родителей, бабушек и дедушек. В большей степени это касалось бытовых вопросов, хотя иногда встречались замечания о «политической отсталости» старших поколений, «привязанных к телевизору и во всем оправдывающих Путина». В то же время выяснилось, что поколение родителей отнюдь не однородно, и, судя по рассказам наших респондентов, иногда его представители отличались более ярко выраженными демократическими взглядами и неприятием советской, а также нынешней российской политической реальности.

Парадоксальным образом для части молодых респондентов это обстоятельство становится предметом споров между поколениями, но совсем не в том смысле, в каком можно было бы ожидать. Здесь старшие и младшие как будто меняются местами: молодежь доказывает родителям, что, живя при советском режиме, они не понимали своего счастья: не нужно было искать работу, бояться уволь-

нений, задержек зарплат, теряться в выборе направлений путешествий и платить за отпуск большие деньги (ведь были профсоюзные путевки). Такие настроения, конечно, можно объяснить не столько неприятием рыночных реалий, сколько общей усталостью от усложнившихся условий жизни. К тому же подобные представления демонстрировали прежде всего респонденты 30–35 лет из Брянска, притом что группа двадцатилетних из того же города отличалась скорее демократическими взглядами, и гораздо более ярко выраженными, чем у их сверстников в Москве и Ярославле.

ЧЕГО ОНИ ХОТЯТ ОТ ЖИЗНИ И ОТ РАБОТЫ

Опросы показывают, что больше половины молодых россиян хотели бы открыть собственное дело⁵, однако часто все ограничивается мечтаниями. Обсуждение этой темы на фокус-группах позволяет предположить, что в ситуации, когда государство является основным игроком на рынке, а также главным и самым надежным работодателем, многие молодые люди не готовы рисковать и начинать собственное дело. Вместо этого они предпочитают работать по найму — не потому, что это лучший вариант, а просто другие еще хуже. Полтора года жизни в условиях пандемии, когда труднее всего пришлось именно тем, кто занимался малым бизнесом, вероятно, законсервировали эти представления молодых людей.

Такое положение не всегда означает, что популярной становится работа именно в бюджетных организациях и госструктурах. Очевиден другой тренд: наилучшими считаются рабочие места в крупных компаниях (неважно, государственных или частных). По мнению респондентов, здесь нет бюрократизированности бюджетных структур, зарплаты выше, и в то же время не нужно заботиться о выживании бизнеса.

Однако с уверенностью можно сказать, что существенная часть молодежи скорее готова адаптиро-

ваться к внешним обстоятельствам, чем менять их: для этого нет ни сил, ни опыта, ни особого желания.

Государство со своей стороны пытается заигрывать с молодежью, предоставлять молодым карьерные лифты, предлагать варианты участия в волонтерских организациях, тем самым формируя подконтрольные властям «гражданское общество». Однако наше исследование показало, что обычно молодые люди все-таки на эти инициативы не рассчитывают или просто о них не знают. Во всяком случае никто из участников фокус-групп не упоминал ни о каких президентских или губернаторских карьерных лифтах.

Вот, например, достаточно типичная автохарактеристика успешного столичного молодого человека: *«Мне 21 год. Я математик, работаю аналитиком в фармкомпании. В свободное время просто кайфую, занимаюсь спортом и живу яркой жизнью»*. В рассуждениях двадцатилетних наиболее часто встречающееся слово — «саморазвитие». А в том, что касается работы и обустройства собственной жизни, даже самые молодые весьма прагматичны: *«Я сама работаю на государственной работе, и там весь соцпакет, там есть начальник, который отвечает за тебя и за все. А про свое дело не хочу даже думать»; «В государственной компании будет спокойнее. Потому что там есть и горизонтальный рост, и вертикальный рост, и какое-то спокойствие в том, что меньше рисков»*. Конечно, есть и те, кто предпочитает независимость и собственное дело, притом что ни у кого нет практического опыта частных стартапов. Тридцатилетние же, знающие жизнь, рассуждают, например, так: *«Частный бизнес я даже не рассматриваю. В нынешней экономической ситуации это 99,9% прогорит»*.

Респонденты из старшей возрастной группы — те, кому за тридцать и кто уже обременен семейными и долговыми обязательствами, — по их словам, *«хотят закрыть кредиты, закрыть ипотеки, взять новые ипотеки и снова их закрыть»*, *«стараятся сидеть ровно, работать, особо сейчас нигде не уволь-*

няться, держаться за свои места». При этом многие, что важно, «как в песне Цоя, ждут перемен... А от нынешнего режима уже ничего не ждут».

По мнению участников фокус-групп, в России есть очаги активной экономической жизни, но респонденты упоминали в этой связи только большие города и, соответственно, большие компании в таких агломерациях.

Трезвое отношение к жизненным обстоятельствам порождает и сочувственное отношение к тем, кто уезжает жить и работать за границу, — патриотические чувства большинству участников фокус-групп не свойственны. Представители двадцатилетних полагают, что «большинство конкурентоспособных людей не остаются в России, а переезжают в какие-то другие страны»; «...там есть больше мест и таких профессий, чтобы развиваться, учиться. А у нас, если и есть, например, какие-то хорошие университеты, работы... в такие места очень трудно прийти вообще, потому что все уже занято, либо через деньги». Мнение одного тридцатилетнего: «Чем больше километров отсюда, тем лучше, в западном направлении».

Впрочем, для значительной части участников фокус-групп отъезд на Запад представляется рискованным: «Мне кажется, из плюсов (работы в России. — Авт.) то, что ты здесь родился и у тебя здесь сформировалась уже какая-то зона комфорта. Ты можешь распланировать свою жизнь, у тебя здесь есть родственники, которые тебя поддержат». В целом, при всем разбросе мнений по отношению к уехавшим за границу (а за граница в данном случае Запад) на работу или учебу от «им повезло» до «непатриотично, но это их выбор», оценки западной карьерной траектории позитивные. Несмотря на все усилия пропаганды, существует устойчивое представление о том, что на Западе, в Европе, люди и живут лучше, и социально защищены. Позитивное отношение к Западу среди молодых подтверждается и массовыми опросами⁶.

ЦИФРОВОЙ РАЗРЫВ?

Различие в способах получения информации между молодыми россиянами и представителями старших возрастов уже давно стало общим местом в исследованиях молодежи. Так, согласно опросам Левада-Центра*, проведенным весной 2021 года, молодые смотрят телевизионные новости в два раза реже россиян старше 55 лет и получают новости из интернета вдвое чаще. При этом, если раньше люди в возрасте 30–35 лет в своих медиапривычках занимали промежуточное положение между самыми молодыми и старшими поколениями (быстро осваивали интернет, но продолжали смотреть телевизор), то на сегодняшний день различия между самыми молодыми и молодежью «постарше» практически стерлись⁷.

Участники наших фокус-групп от Москвы до Брянска практически в один голос говорили о том, что российское телевидение — это «голос государства и правительства», «то, что нам хотят показать», «что нужно нашим руководителям»; на ТВ «много цензуры», «о многом умалчивается», «идет дурдом», «деградация» и «зомбирование». Поэтому, «если хочешь что-то другое услышать — залезь в интернет», «забей новость в поиск», так как сеть — это «голос народа России» (особенно если имеются в виду местные/городские сообщества в социальных сетях, так называемые «паблики „ВКонтакте“», такие как «Типичный Брянск», или «районные паблики» Москвы); в интернете можно узнать новости, «которые не покажут по телевизору».

Казалось бы, отказ молодых россиян от телевидения в пользу интернета и маркирование телевизионных новостей как пропаганды говорит о гораздо меньшей восприимчивости молодежи к информации, распространяемой по официальным каналам. Однако фокус-группы обнаруживают более нюансированную картину. Потребление информации молодыми людьми чрезвычайно хаотичное: здесь и новости «Яндекс-

* Организация признана иноагентом.

са», и разнообразные YouTube-каналы и блогеры, обрывки новостей в TikTok и даже Инстаграме. Часто смотрят *«всего по чуть-чуть»*. В результате уровень и качество информированности молодых людей остаются очень неровными.

Сравнивать информацию из разных источников респонденты научились, но прибегают к этому лишь изредка, только когда новость действительно заинтересовала. Один и тот же человек может смотреть и слушать блоги Юрия Дудя или эмигрировавшего из страны Руслана Усачева⁸ — и с тем же интересом программы Владимира Соловьева. Или же узнавать новости в интерпретации неподцензурных источников (таких как признанный иноагентом канал «Дождь», который все меньше становится теле- и все больше интернет- и YouTube-каналом; как YouTube-канал журналиста Алексея Пивоварова «Редакция») — и государственного агентства РИА «Новости» в том же интернете. Кто-то продолжает читать «Ведомости» (или просто называет эту газету, желая казаться солидно информированным в глазах модератора фокус-группы), не заметив прошлогоднего разгрома редакции и по привычке причисляя газету к «независимым СМИ».

Словом, говорить о высокой культуре потребления молодыми людьми информации в интернете пока вряд ли можно.

При этом далеко не все молодые участники фокус-групп полностью отказались от телевизора. Он часто остается на заднем плане, *«работает как фон»* на кухне, его слушают *«краем уха»*, *«утром, когда на работу собираешься»*, и начинают вслушиваться, только когда рассказывают *«что-то важное»*. Иными словами, часть молодых людей продолжают получать новости в обработке федеральных каналов: сознательный отказ от государственной индоктринации свойствен только небольшой части респондентов.

Есть и редкие дистиллированные образцы абсолютного конформизма, где сочетаются регулярный про-

смотр телевизора, работа в бюджетной организации и чистосердечная лояльность власти. Те же, кто перестал смотреть телевизор, сделали это не из чувства протеста против «государственной пропаганды» и не в поисках более качественных источников информации, а просто потому, что *«интернет удобнее»* там легче найти что-то себе по вкусу, не дожидаясь очередного выпуска программы «Время».

В большинстве случаев мы наблюдаем неотрефлексированный переход молодежи от зарегулированного телевидения к свободному, но хаотичному потреблению информации в интернете. Немного освободившись от давления государственной телевизионной пропаганды и получив потенциальный доступ к свободной и альтернативной информации в интернете, далеко не все молодые люди демонстрируют способность найти эту информацию, осознать и воспринять ее. Строго говоря, большинство молодых людей, за некоторыми исключениями, не умеют выделять из информационных потоков что-то действительно существенное.

В свою очередь, российские власти по мере роста интернет-аудитории увеличивают давление на неподконтрольные ей сегменты российской сети, прежде всего иностранные. В последние месяцы мы наблюдали, как Роскомнадзор замедляет скорость работы Twitter⁹, договаривается с американскими Apple и Google о блокировке приложений команды Алексея Навального¹⁰ (к ним также присоединился мессенджер Telegram¹¹). Параллельно происходила планомерная зачистка интернет-пространства от изданий, транслирующих альтернативные точки зрения и допускающих критику политического режима. Ряд популярных независимых интернет-СМИ были объявлены иностранными агентами, после чего некоторые из них вынужденно прекратили свое существование. В их числе — издания VTimes, «Открытые медиа», «МБХ-медиа», а расследовательское интернет-издание «Проект» было объявлено нежелательной организацией и тоже закрылось¹². Продолжалось уголовное и административное преследование

журналистов (дела Ивана Голунова и Ивана Сафронова, суд над сотрудниками DOXA) и критически настроенных блогеров.

Как показывают опросы, на этом фоне в молодежной среде распространяются и ультраконсервативные настроения. Характерный пример — отношение общественного мнения к установке памятника Сталину (см. рис. 1). Во всех возрастных группах с годами растет поддержка такого рода инициативы, но среди 18–24-летних рост наиболее впечатляющий: с 11% в феврале 2005-го до 50% в 2021 году¹³. Такая тенденция, наблюдаемая на фоне, с одной стороны, растущего недовольства жизнью и, с другой — активизации исторической политики властей, указывает на отсутствие у молодежи устойчивых моральных ориентиров.

АВТОРИТЕТЫ В ПОЛИТИКЕ

На протяжении многих лет, вплоть до середины 2018 года, молодые россияне до 25–30 лет демонстрировали самый высокий уровень поддержки власти — наравне с пожилыми гражданами¹⁴. Но за последние два-три года настроения в российском обществе существенно изменились. Рейтинги властных институтов потеряли в среднем по 20 процентных пунктов, усилился пессимизм по поводу будущего, выросла готовность участвовать в акциях протеста. И именно молодежь оказалась в фарватере этих перемен: настроения здесь менялись быстрее, а разочарование властью проявилось сильнее, чем у представителей старших поколений. Не последнюю роль тут должен был сыграть описанный выше уход молодых россиян в интернет и социальные сети.

Молодежь в возрасте 20–30 лет сегодня составляет одну из наиболее критических по отношению к власти социальных групп. Здесь выше уровень протестных настроений¹⁵, заметнее сочувствие к протестующим в разных частях страны и за рубежом¹⁶, поддержка молодых оппозиционных политиков — таких как Алек-

сей Навальный, молодой саратовский блогер-коммунист Николай Бондаренко и бывший губернатор Хабаровского края от ЛДПР Сергей Фургал¹⁷. На прошедших фокус-группах молодые респонденты так описывали происходящее отчуждение молодежи от власти: «они нам неинтересны, а мы им неинтересны»; российские власти и существующие политические партии не представляют интересов молодежи, а «представляют интересы бабушек и дедушек».

Однако, согласно опросам, Владимир Путин все равно остается самым популярным политиком среди молодежи, хотя эта поддержка в два раза ниже, чем в старшем поколении. В отношении Навального складывается следующая картина: в молодежной среде одобрение его действий в три раза выше, чем у представителей старшего поколения, но одобряют его деятельность лишь четверть молодых людей, а больше половины не одобряют. (См. рис. 2 и 3.)

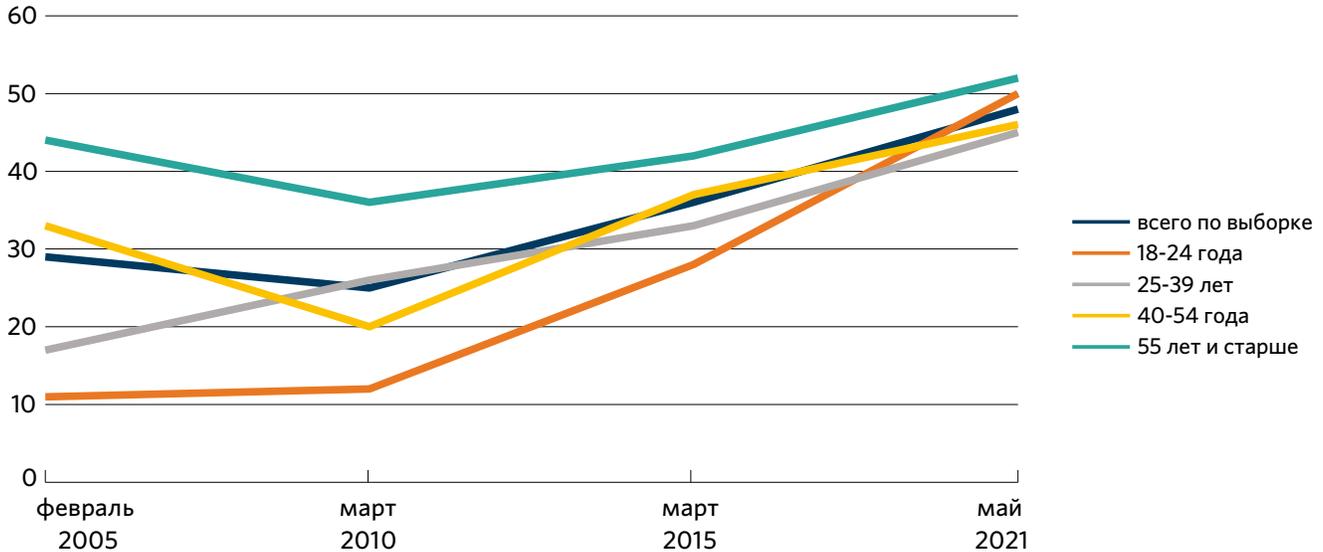
Кроме того, далеко не вся молодежь, которая хотела бы «перемен», готова критиковать власть и поддерживает несистемную оппозицию: Навальный кажется им слишком радикальной фигурой. Именно такие молодые люди составили значительную долю электората партии «Новые люди», которая на сентябрьских выборах 2021 года прошла в Государственную Думу¹⁸. Среди этой части молодежи популярны официальные деятели — от политических тяжеловесов вроде министра иностранных дел Сергея Лаврова и мэра Москвы Сергея Собянина до представителей нового поколения российских политиков, таких как спикер МИД Мария Захарова, экс-мэр Якутска Сардана Авксентьева или новые губернаторы-технократы. На наших фокус-группах, правда, сторонники власти были в меньшинстве, среди респондентов преобладал скептический настрой.

НАВЯЗАННАЯ ДЕПОЛИТИЗАЦИЯ

Обсуждение политики на молодежных фокус-группах всегда дается сложнее, чем разговоры о пробле-

РИС. 1

Изменение доли тех, кто поддерживает установку памятника Сталину, в зависимости от возраста респондента (в % опрошенных по каждой возрастной группе)

Источник: Всероссийский опрос Левада-Центра (организация признана иноагентом), N=1600.

мах или интересах людей (этого не скажешь о фокус-группах с представителями старших поколений, которые о политике говорят много и охотно). Для части молодых респондентов политика скучна и неинтересна. Иные респонденты — прежде всего недовольные текущим положением вещей, — рассуждая о своих политических пристрастиях, часто испытывают явный дискомфорт, а с некоторых пор и опасения за возможные последствия откровенных высказываний о власти.

Так, молодые участники фокус-групп, которые с симпатией говорили о протестующих или Навальном, часто подчеркивали, что они сами на митинги не ходят и оппозиционера не поддерживают. Самого Навального наши респонденты не всегда готовы были называть по имени, предпочитая различные эвфемизмы («*тот, кого нельзя называть*»), говорили намеками или просто отказывались обсуждать эту фигуру. Большинство респондентов всех групп сошлись

во мнении, что за участие в митингах, оппозиционной деятельности и даже за написание критических постов в социальных сетях может последовать наказание в виде полицейской дубинки, штрафа, административного ареста, уголовного преследования, «срока за экстремизм». По словам одного из участников, за открытое выражение протеста «*теперь либо штраф, либо тюрьма*».

Во всех трех городах респонденты вспоминали печальные истории оппозиционных политиков: Бориса Немцова, убитого в 2015 году; Алексея Навального, отбывающего тюремное заключение; Сергея Фургала, находящегося под следствием; левого активиста Николая Платошкина, осужденного за призывы к массовым беспорядкам; Сарданы Авксентьевой, вынужденной уйти с поста мэра Якутска¹⁹. По мнению участников групп, все это политики, которые защищали интересы людей в противовес чиновникам и представителям власти. Этим полити-

РИС. 2

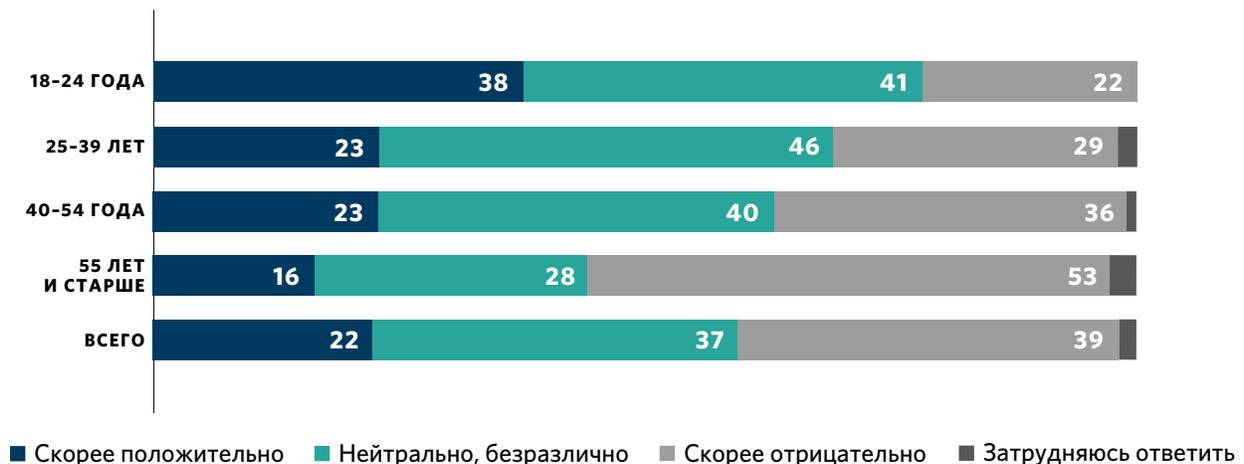
Вы одобряете или не одобряете деятельность Алексея Навального? В % опрошенных по каждой возрастной группе

Источник: Всероссийский опрос Левада-Центра (организация признана иноагентом), N=1600.

РИС. 3

Как вы относитесь к людям, которые выходят на массовые акции протеста в поддержку Навального? В % опрошенных по каждой возрастной группе

Источник: Всероссийский опрос Левада-Центра (организация признана иноагентом), N=1600.

кам «заткнули рот», «потому что пошли против власти», «говорили правду», «набирали политическую силу»; «потому что наши власти не любят, когда им вставляют палки в колеса». Во всех группах преобладало ощущение того, что «ничего не поменяется, как бы ты ни старался, все останется по-прежнему, власти все сделают так, как считают нужным».

Особенно сильное впечатление на молодых участников фокус-групп произвело дело Алексея Навального, а также арест Сергея Фургала и последовавшие за этим массовые протесты в Хабаровске. Но если летом 2020 года митинги на российском Дальнем Востоке вдохновляли и пробуждали интерес, то спустя год они стали символом краха надежд на уступки населению со стороны власти: «В Хабаровске 100 тысяч ходили, и толку? Все как было, так и есть; походили и успокоились». Последовавшие губернаторские выборы в Хабаровске, на которых победил кандидат, поддержанный Кремлем, окончательно продемонстрировали, что федеральная власть устояла перед протестами и сохранила контроль над регионом. Многие участники фокус-групп говорили, что «протест не работает», по преимуществу считая участие в митингах бессмысленным и опасным делом.

Фокус-группы отчетливо проявили разницу в настроениях респондентов самых молодых и «постарше». Среди тех, кому еще не исполнилось 25 лет, было гораздо больше веры в собственные силы и в возможность изменить ситуацию к лучшему, а также в целом проявлялось больше интереса к происходящему в стране и больше доверия к публичным фигурам. Молодые люди за тридцать выглядели более усталыми, не всегда легко справлявшимися с грузом ответственности не только за себя, но и за семью и детей. Они в гораздо меньшей степени демонстрировали интерес к происходящему, давали более циничные оценки политикам и публичным фигурам («никого не могу выделить», «ни за кем специально не слежу», «никто не нравится, никого не хочу слышать»).

Есть соблазн объяснить описанные различия между этими возрастными группами молодежи тем, что самые молодые — это более свободное поколение, не зависящее от цензуры государственных телеканалов, лучше вписанное в глобальный мир. Однако, скорее всего, причина в другом: люди постарше просто разочаровались в собственных силах, в своей способности изменить ситуацию. По мере взросления такие ощущения усугубляются, а интерес к переменам затухает под грузом накапливающихся проблем — таких как выплата ипотеки, поиск работы в условиях дефицита рабочих мест и т. п. Некоторые респонденты сетовали на разорение собственного мелкого бизнеса в пандемию, сложности при попытке устроить детей в детский сад, дороговизну подготовки детей к школе, нехватку денег на содержание семьи. Попутно нарастает уверенность, что изменить ситуацию невозможно, власть не слушает, предвыборные и другие обещания не выполняются. По сути, это и есть та самая выученная беспомощность.

МОТИВЫ УЧАСТИЯ: «ВОПРЕКИ ВСЕМУ»

Однако при всей убежденности молодежи в том, что власть не хочет перемен и противится им, заметная доля участников фокус-групп говорила о том, что нужно бороться за свои права и не опускать руки, отказываясь от них. В отношении выборов во всех трех городах часто можно было слышать следующую формулу поведения: выборы ничего не меняют («не решают», «не работают», «там уже все выбрано за нас»), но ходить на них все-таки надо — вопреки всему. Основания для участия в электоральных процедурах могут быть разные: от представления о том, что выборы — «это наше право» и «грех им не воспользоваться» до надежды на то, что низкий процент голосов за правящую партию заставит власть имущих «услышать немножко» обычных людей и обратить внимание на их проблемы. В условиях увеличивающегося репрессивного давления на общество выборы воспринимаются не как способ борьбы за власть или за смену власти, а исклю-

чительно как канал обратной связи от населения к власти. Впрочем, без какой-либо гарантии, что руководство страны будет реагировать на сигналы снизу.

Схожим образом те немногие респонденты, которые все-таки не исключали для себя участия в митингах, скорее говорили о них не как о способах смены власти или принуждения власти к желаемым решениям, но как о *«единственном способе быть услышанными»*: *«чтобы государство спустилось к народу»*, *«чтобы люди наверху призадумались»* и что-то поменяли. Стоит также отметить, что при всем скепсисе по поводу митингов, при всех оговорках о собственном неучастии в подобных акциях, в отношении протестующих сочувственного отношения было гораздо больше, нежели осуждения: *«я таких людей уважаю»*, потому что они выходят, несмотря на угрозу преследований; *«они выходят, потому что власть их не слышит»*.

Весь опыт последних лет вынуждает участников фокус-групп говорить о том, что во взаимодействии с бюрократией получается отстоять только *«бытовые»*, *«мелкие»*, *«личные»* вопросы. Для этого часто приходится приложить титанические усилия по поиску *«нужного телефона»*, *«нужного человека»*, совершать десятки звонков, писать десятки писем в инстанции. Но, несмотря на это, заметная часть респондентов, похоже, освоила доступные инструменты решения локальных проблем и время от времени успешно этим пользуется: они *«дозваниваются»*, пишут *«заявления в госорганы»*, *«поднимают вопросы»* в соцсетях, привлекают к проблемам внимание блогеров и местных СМИ. Более циничные и разочарованные жизнью молодые *«за тридцать»* используют инструменты *«малых дел»* даже лучше, чем полные надежд двадцатилетние.

Напротив, в отношении общеполитических вопросов среди наших респондентов преобладало мнение, что такого рода проблемы не решить: *«это система, и ее не сломашь ни выборами, ни протестами»*; *«ничего не сделаешь — только в мелочах»*. Отдельные слу-

чай, когда гражданам удавалось отстоять свои интересы в борьбе с чиновниками, респондентам известны. Среди них назывались закрытие мусорного полигона Шиес в Архангельской области, сохранение сквера в Екатеринбурге или предотвращение ввоза мусора из Москвы в Ярославскую область. Для достижения успеха в таких случаях считается необходимым, чтобы люди *«действовали сообща»*, *«искали единомышленников»*, *«объединялись»*, *«друг другу помогали»*, но к этому готовы далеко не все. Более безопасным и привлекательным выглядит уход в частную жизнь — *«саморазвитие»* (понятие, очень часто используемое двадцатилетними), самообразование, построение карьеры, в конце концов, отъезд — в российские столицы и мегаполисы или в другую страну.

ОКАЖЕТСЯ ЛИ НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ «ПОТЕРЯНЫМ»?

Людей старше 55 лет в России более 43 млн человек (из 145 млн населения страны), при этом в выборах различного уровня участвуют больше половины из них (то есть старшее поколение обеспечивает более 20 млн дисциплинированных избирателей). Совершеннолетних же россиян в возрасте до 35 лет насчитывается порядка 30 млн человек, но регулярно голосует только треть из них. Таким образом, дисциплинированных избирателей среди молодежи вдвое меньше, чем среди представителей старшего поколения.

Молодежи, следовательно, физически мало: численное превосходство по демографическим причинам остается за старшими. И среди тех, кто ходит голосовать, молодых значительно меньше. Получается, что для легитимации власти молодежь не так важна и ее интересами руководство страны может пока пренебречь. Это вполне рациональная тактика в условиях кризиса, снижающихся рейтингов, когда власти для самосохранения уже не могут рассчитывать на поддержку широких слоев населения, и поэтому вынуждены выбирать, на какие группы опереться, а какие оставить вне фокуса своего внимания.

Власть, однако, вынуждена задумываться о будущем, то есть искать сторонников именно среди молодежи. При этом ее образ в глазах молодых не слишком привлекательный. Так, разорванная, из раза в раз не складывающаяся обратная связь между молодежью и представителями власти / чиновниками была одной из основных тем, поднимаемых нашими респондентами. Власть «не слышит и не хочет слышать», «не слушает народ», делает так, как считает нужным, подавляет всех несогласных — в этом сходились участники всех групп: «помоложе» и «постарше», и в Москве, и в Ярославле, и в Брянске.

Стареющим представителям российской элиты все сложнее найти общий язык с молодыми людьми еще и в силу существующего конфликта поколений. Этот конфликт проявляется не только в репрессивной политике властей по отношению к молодым людям, но и в одобрении такой политики значительной частью представителей старшего поколения. Между молодыми людьми и их родителями мало понимания в том, что касается политических вопросов, общей ситуации в стране, отношения к внешнему миру. Поколенческий разрыв, скорее всего, будет только усиливаться, если власти и дальше будут пренебрегать интересами и мнениями молодых людей.

Поэтому, чтобы превратить молодых в своих сторонников, властям придется более активно заниматься молодежной политикой уже в текущем политическом цикле, до президентских выборов 2024 года. Пока эта политика сводится к попыткам индоктринации молодого поколения консервативной идеологией, то есть к выращиванию новой генерации конформистов и карьеристов. Главное — всеми силами отвлечь молодых не только от политической, но и от не санкционированной властями гражданской активности.

Справляться с этой задачей, казалось бы, сложнее в условиях практически тотальной урбанизации, изменения образа жизни, сокращения аудитории телевидения и увеличения аудитории интернета. Но

давление на интернет и разнообразные запреты могут отчасти предотвратить или ограничить политизацию молодых и подавить в зародыше попытки гражданского активизма и просто проявления недовольства.

Подобная тактика не самый удачный способ улучшить качество человеческого капитала, а для развития страны это необходимо. Разочарованная молодежь предпочтет эмиграцию (не только внешнюю — это для самых активных, но и внутреннюю) или циничную, усталую адаптацию к предлагаемым властью обстоятельствам и правилам игры. Приметы такой усталости в наблюдаемых тенденциях — к отказу от высшего образования в пользу среднего профессионального и максимально быстрому выходу на рынок труда без получения высокой квалификации²⁰, к снижению предпринимательской инициативы, ослаблению интереса к новому. Получить послушное, социально апатичное, «потерянное» поколение — неужели в этом задача власти?

Выход на сцену нового поколения россиян автоматически не принесет позитивных перемен в государстве и обществе. Молодые люди не чувствуют себя в достаточной степени свободными, а будущее, несмотря на абстрактное стремление молодежи к «саморазвитию», не представляется им сколько-нибудь определенным. Но, подчеркнем, молодые — очень разные. И качественный человеческий капитал у России пока есть. От властей зависит, будет ли он востребован.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 См.: Радаев В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 15–33; Гудков Л. и др. «Поколение Z»: Молодежь времени путинского правления // Вестник общественного мнения. 2020. № 1–2. С. 21–121.
- 2 См.: Волков Д. Отличия молодых россиян от представителей старших поколений: результаты социологического мониторинга // Вестник общественного мнения. 2020. № 1–2. С. 122–129.

- 3 См.: *Архипова А., Захаров А., Козлова И.* Протестная мобилизация — 2021: кто вышел на митинги и почему // <https://liberal.ru/lm-ekspertiza/protestnaya-mobilizacziya-2021-kto-vyshel-na-mitingi-i-pochemu>.
- 4 См.: *Отношение к Алексею Навальному / Левада-Центр.* 2021. 9 июля // <https://www.levada.ru/2021/07/09/otnoshenie-k-alekseyu-navalnomu>. По данным опроса Левада-Центра в июле 2021 года, 24% самых молодых (18–24 года) одобряли деятельность главного российского оппозиционера, но при этом 59% из той же когорты не одобряли (что, кстати, больше, чем в группе 25–39 лет, где уровень неодобрения — 51%).
- 5 См.: *Волков Д., Гончаров С., Снеговая М.* Как заниматься бизнесом в России // <https://www.levada.ru/cp/wp-content/uploads/2020/03/Otchet-Kak-Delat-Biznes-2020-1.pdf>.
- 6 См.: *Волков Д.* Демилитаризация сознания. Россияне понемногу открываются внешнему миру // *Мнения.* 2019. 12 февр. // <https://republic.ru/posts/93039>.
- 7 См.: *Волков Д., Гончаров С., Парамонова А., Левен Д.* Российский медиаландшафт — 2021 / Левада-Центр. 2021. 5 авг. // <https://www.levada.ru/2021/08/05/rossijskij-medialandshaft-2021>.
- 8 См.: «Душноватое жить в России»: почему блогер Руслан Усачев уезжает из страны // <https://www.youtube.com/watch?v=BbAh5HfHzks>.
- 9 См.: Роскомнадзор начал замедлять твиттер. Как он это делает? И насколько эффективно? А правительственные сайты тоже он положил? / *Медуза.* 2021. 10 марта // <https://meduza.io/cards/roskomnadzor-nachal-zamedlyat-tviter-kak-on-eto-delaet-i-naskolko-effektivno-a-pravitelstvennyy-sayty-tozhe-on-polozhil>.
- 10 См.: *Малкова И.* Война с «Умным голосованием». Как власти защищают интернет от проекта Алексея Навального / *The Bell.* 2021. 15 сент. // <https://thebell.io/vojna-s-umnym-golosovaniem-kak-vlasti-zachishhayut-internet-ot-proekta-alekseya-navalnogo>.
- 11 См.: *Ахтырко А.* «Неподходящий момент для начала войны». Дуров объяснил блокировку агитационных ботов действиями Google и Apple // https://www.gazeta.ru/politics/2021/09/26_a_14022691.shtml.
- 12 См.: В России идет кампания против «СМИ-иноагентов». Что с ней не так? / *The Bell.* 2021. 8 сент. // <https://thebell.io/v-rossii-idet-kampaniya-protiv-smi-inoagentov-chto-s-nej-netak>.
- 13 См.: *Сталин-Центр и памятник Сталину / Левада-Центр.* 2021. 4 авг. // <https://www.levada.ru/2021/08/04/stalin-tsentr-i-pamyatnik-stalinu>.
- 14 См.: *Волков Д.* Чем российская молодежь отличается от своих родителей // *Ведомости.* 2018. 5 дек. // <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2018/12/05/788410-rossiiskaya-molodezh>.
- 15 См.: *Протестные настроения / Левада-Центр.* 2021. 8 июня // <https://www.levada.ru/2021/06/08/protestnye-nastroeniya-2>.
- 16 См.: *Январские протесты / Левада-Центр.* 2021. 10 февраля // <https://www.levada.ru/2021/02/10/yanvarskie-protesty/>.
- 17 См.: *Отношение к Алексею Навальному / Левада-Центр.* 2021. 9 июля // <https://www.levada.ru/2021/07/09/otnoshenie-k-alekseyu-navalnomu>.
- 18 См.: *Волков Д.* Приручение протеста: как желание перемен повлияло на исход выборов в Думу // *Forbes.* 2021. 20 сент. // <https://www.forbes.ru/society/440531-priruchenie-protesta-kak-zelanie-peremen-povlialo-na-ishod-vyborov-v-dumu>.
- 19 Уже после проведения фокус-групп Авксентьева стала депутатом Госдумы по спискам партии «Новые люди» и стала своего рода счастливым исключением в этом списке пострадавших политиков.
- 20 См.: *Колесников А., Волков Д.* Мадам де Помпадур в Москве. Опыт систематизации рисков для российской политики / *Московский Центр Карнеги.* 2021. 30 сент. // <https://carnegie.ru/2021/09/30/ru-pub-85439>.

Московский Центр Карнеги благодарит Carnegie Corporation of New York за поддержку при подготовке публикации.

ОБ АВТОРАХ

Андрей Колесников — руководитель программы «Российская внутренняя политика и политические институты» Московского Центра Карнеги.

Денис Волков — социолог, директор Левада-Центра.

© Фонд Карнеги за Международный Мир, 2021

Фонд Карнеги за Международный Мир и Московский Центр Карнеги как организации не выступают с общей позицией по общественно-политическим вопросам. В публикации отражены личные взгляды авторов, которые не должны рассматриваться как точка зрения Фонда Карнеги за Международный Мир или Московского Центра Карнеги.